ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВА

УДК 130.122

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-2/74-85

Т.Б. Длугач*

РОССИЯ: ПУТЬ В БУДУЩЕЕ (ВЗГЛЯД С.Н. БУЛГАКОВА)

Автор видит смысл социокультурной концепции С.Н. Булгакова в признании ведущей роли России как ориентира исторического развития Европы в XX в. Внутри системы взглядов С.Н. Булгакова выделяются различные этапы, первый из которых близок марксову утверждению приоритета материальных благ и определяется как «жизнь». Следующие периоды содержат критику интеллигентских позиций «максимализма» и «героизма», обусловливающих пренебрежительное отношение интеллигенции к народу. Им противопоставляются покаяние, смирение, нравственное самоусовершенствование, выдвигающие на первый план веления совести. Фауст с его стремлениями к знанию и Иван Карамазов с его нравственными мучениями признаются символами Европы XIX и России XX вв. Путь России – это возврат интеллигенции и народа к религиозным ценностям и связанными с ними нравственными требованиями. Только так человек сможет исполнить божественные предначертания и воплотить в жизнь творческие замыслы. Путь России – это и путь Европы.

Ключевые слова: русская философия, С.Н. Булгаков, прогресс, религия, нравственность, будущее, Россия, Европа

Russia: a way to the future (Sergei Bulgakov's view). TAMARA B. DLUGATCH (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the analysis of the socio-cultural concept of Russian philosopher Sergei Bulgakov and his vision of Russia's role in the future historical development of Europe. The author considers the stages of evolution of Bulgakov's system of views, focusing on his criticism of Russian intelligentsia and its «maximalism» and «heroism», which cause a scornful attitude towards ordinary people. In his concept, they are contrasted with repentance, humility, and moral self-improvement. Faust with his aspiration for knowledge and Ivan Karamazov with his moral torments are recognized as symbols of Europe of the XIXth and Russia of the XXth centuries. Russia's path in the future, as Bulgakov sees it, is a return to religious values and the moral requirements associated with them.

Keywords: Russian philosophy, S.N. Bulgakov, progress, religion, morality, future, Russia, Europe

* ДЛУГАЧ Тамара Борисовна, доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН.

E-mail: dlugatsch@yandex.ru

© Длугач Т.Б., 2020

Сергей Николаевич Булгаков – крупный представитель Серебряного философского века, один из персонажей знаменитой картины Нестерова «Философы». На ней он идет рядом с Флоренским, разговаривает с ним, наверное, о философии, а думает о судьбах России.

С.Н. Булгаков прожил богатую замыслами и свершениями жизнь. Был сторонником К. Маркса и последователем религиозных учений; стал депутатом II Государственной Думы и участвовал в журнале «Новый путь». Он – один из авторов знаменитых сборников «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909), издатель сочинений Чаадаева и Киреевского. Его духовные остановки: марксизм – идеализм – религия.

В 1920-х гг. Булгаков покинул Россию и продолжил деятельность за рубежом. Этот этап считается третьим в деятельности С.Н. Булгакова. Первый обычно связывают с марксизмом, хотя однозначным его сторонником он и не был. Второй обусловлен обоснованием идеализма, точнее – духовной деятельности человека, которая раскрывает место человека в мире и его сокровенную сущность. Идеи первого, связанные с марксизмом, в статье рассматриваются очень кратко в контексте подготовки второго периода. О третьем будет лишь упомянуто, он стал обоснованием религиозных взглядов философа, с юношеских лет бывших его опорой.

Предисловие

Убеждение в том, что ранний период творчества С.Н. Булгакова до 1903 г. был восприятием и развитием марксовых идей, разделяют многие авторы. Н. Бердяев, например, писал, что «его путь – типический. Он от марксизма, через религию, пришел к православию. Булгаков внес в свое православие свой былой марксизм» [1, с. 752]. Крупнейший знаток творчества Булгакова С.С. Хоружий в свою очередь отмечает, что «ближайшие годы (после окончания университета. – прим. авт.) он посвящает научным занятиям в этой области (политической экономии и юриспруденции. – прим. авт.), по убеждениям он в данный период – марксист и социал-демократ. Эти убеждения были глубоки и серьезны; как Булгаков сам писал впоследствии, “Я старался верой и правдой служить марксизму”. Даже много позже он признавал за ранним периодом русского марксистского движения немаловажные достоинства. По его мнению, марксизм был для общественного со-

знания шагом вперед, выходом из томительно-го удушья 80-х годов...». И далее: «Та важная и типичная эволюция, которую мы следим, точно резюмируется позднейшей формулой: от марксизма к идеализму и от него к православной религиозности» [10, с. 4]. Этой оценке не мешает даже признание Булгаковым обусловленности человеческой жизни свыше: «Он остался экономическим материалистом и перенес свой экономический материализм на небо, небо оросил трудовым потом. Даже Софии и софийности придал он экономически-хозяйственный характер» [1, с. 756].

Булгаков ценит Маркса прежде всего за то, что тот свел все многообразие жизненных явлений к экономической деятельности и признал ее той основой, на которой можно верно понять все происходящее. Это тот фундамент, на котором действительно можно верно строить жизнь. В то же время он высказывает Марксу ряд важных требований по поводу некоторых его принципов, ошибочно объясняющих происхождение. Неверным признается деление человеческой деятельности на базис и надстройку. Булгаков полагает, что сводить культуру к надстройке, зависимой от экономики, неверно. Так же, как неверно говорить о предыстории и истории человечества: человек всегда живет в истории, верно он ее понимает или нет. Упрекает он основателя марксизма и в отсутствии этического начала, хотя в его утопии и в самой личности немало этических элементов. Неправильно кроме того представлять природу лишь как мастерскую для практической работы человека, она – творение Бога и гораздо шире такого понимания. Надо признать, что в этой критике много верного.

Вслед за Марксом Булгаков считает человека трудящимся существом и согласен с ним в том, что на раннем этапе его истории главным становится производство одежды, еды, жилищ, всего того, что Маркс называл материальными благами. Булгаков называет это «жизнью» и отождествляет с хозяйством. Борьба за жизнь с враждебными силами природы, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином и есть хозяйство, говорит он, и признает, что хозяйственная деятельность присуща всему живому, хотя в точном смысле слова свойственна только человеку, так как в отличие от животных человек добывает нужные средства, не просто потребляя готовые природные ресурсы, но производя их. «Хозяйство, по существу,

включает в себя человеческий труд во всех его проявлениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета. Признак хозяйства – *трудоовое* воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению» [6, с. 87]. Хозяйство состоит, во всяком случае, «...из действий над вещами, или объективных действий, ... и не напрасно Маркс в центре доктрины экономического материализма выдвигает «Praxis», т.е. именно то, что мы называем здесь объективным действием» [6, с. 89], но для Булгакова в данном случае пример не Маркс, а Шеллинг, который, по его мнению, точнее раскрыл связь субъекта и объекта.

Признавая за экономизмом важную роль в понимании сущности человека, Булгаков не склонен преувеличивать ее; он считает, что нужно поставить вопрос об экономизме в философском плане, чего до сих пор не сделано. Надо задуматься над тем, является ли хозяйство функцией человека или человек – функцией хозяйства. Надо сказать, что здесь Булгаков нащупывает болевую точку марксизма: с одной стороны, Маркс разделяет предысторию и историю человека, определяя первую, по сути дела, как бессознательную. С другой же стороны, считает человека бесконечно творчески развивающимся существом. Иными словами, субъектом истории он считает то производительные силы, в рамки которых независимо от воли и желания встраивается человек, то человека, развивающего – верно или неверно – свой способ производства. Маркс до конца жизни колебался между этими двумя решениями, что и уловил Булгаков. Для него же человеческая жизнь в конечном счете определяется свыше, да и сам человек – создание не только телесно-душевное, но и духовное. Поэтому утверждать хозяйственную природу культуры неверно. Тогда история и будет выглядеть не только и не столько как развитие способа производства. Но что такое она, и если она развивается, то в чем ее движущие силы. Можно ли говорить о прогрессе?

Движущие силы истории и теория прогресса

Булгаков вслед за многими другими убежден, что история развивается. Поэтому важной частью концепции мыслителя является теория прогресса. Прогрессу уделяли внимание авторы разных течений: было важно понять,

каким для человека будет завтрашний день, что надо сделать, чтобы приблизить его в том случае, если наступление его желательно.

Можно, конечно, рассуждать как обыватель и думать, что всегда изобретается что-то новое, вследствие чего жить становится легче. Например, вместо водных колонок появился водопровод, вместо свечей изобрели лампочку и т.д. Но теоретически мыслящие умы хотят понять большее: всегда ли будут появляться нужные вещи и будет ли дальше жизнь счастливее, есть ли гарантия этого и т.д. Все эти вопросы С.Н. Булгаков обсуждает в работе «Основные проблемы теории прогресса» (1890), с которой тесно соприкасается статья «Карл Маркс как религиозный тип» (1906), когда Булгаков переходит на позиции идеализма и ищет в софийности суть бытия.

Рассмотреть личность и учение Карла Маркса С.Н. Булгаков считает необходимым по той причине, что именно с его именем связываются надежды на будущее человечества. Как говорилось, Маркс разделил человеческое существование на предысторию и историю; последняя будет определена победой творческого труда, господством сознательно установленных производственных отношений, развитием всех способностей человека. Булгаков видит в этом воплощение гегелевских представлений о прогрессивном ходе истории вследствие поднятия идеи на более высокий уровень. У Маркса это убеждение превращается в веру в «светлое царство социализма».

Анализируя футуристические представления Маркса, Булгаков дает им совершенно своеобразную оценку, рассматривая Маркса не как наследника немецкой классической философии, прежде всего Гегеля, а как сторонника Фейербаха. Он пишет о том, что «никакой преемственной связи между немецким классическим идеализмом и марксизмом не существует» [4, с. 249]. Такая связь оценивается им как легенда, т.к. в марксизм значительной частью входит «фейербаховская доктрина» [4, с. 267].

Несомненно, и воинствующий атеизм, и учение о человеке Маркс во многом заимствовал у Фейербаха, но связь Маркса с Гегелем кажется бесспорной. Безусловно, диалектика, заимствованная у Гегеля, раскрывается в связи производительных сил и производственных отношений; безусловно, в «Капитале» можно проследить восхождение от абстрактного (товара) к конкретному (стоимости); безусловно,

исторический процесс понимается К. Марксом в плане «снятия» предшествующих ступеней развития. И снятие, и восхождение заимствованы у Гегеля, в свою очередь воспринявшего их из науки Нового времени. Но Булгаков даже склонен признавать большее влияние на Маркса просветителя Поля Гольбаха, нежели Гегеля. Вряд ли это верно, хотя влияние Гольбаха и можно проследить в плане развития Марксом материализма и механического детерминизма.

Вряд ли также можно считать представление Маркса о будущем чересчур утопическим, ведь в своих взглядах на коммунизм (социализм) он исходил из факта уничтожения общественного разделения труда и классов, распространяя свои взгляды вовсе не на всю дальнейшую историю человечества, а лишь на определенный период, следующий за капитализмом. У Булгакова как у истинно верующего человека главный упрек Марксу основывается на том, что человек хочет иметь представление не о небольшой части своей истории, а обо всей истории. Эту мысль высказывали и Н. Бердяев, и В. Эрн. Высказывает ее и Булгаков: «...Человеку необходимо иметь целостное представление о мире, он не может согласиться ждать с удовлетворением этой потребности до тех пор, пока будущая наука даст достаточный материал для этой цели...» [5, с. 47].

Человек не может заглушить в себе вопросы о смысле жизни, о происхождении зла, о добродетели и совести и т.п. На эти вопросы у положительной науки нет ответа, точнее – она их даже и не ставит. И «компетенция метафизики больше, чем положительной науки, как потому, что метафизика решает вопросы более важные, нежели вопросы опытного знания, так и потому, что, пользуясь умножением, она дает ответ на вопросы, которые не под силу опытной науке» [5, с. 48]. Наука и метафизика, конечно, связаны: наука дает материал, над которым размышляет метафизическая мысль, но их задачи разные. Одновременно Булгаков подчеркивает тесную связь метафизики и религии: «Основные положения религии являются вместе с тем и конечными выводами метафизики, получившими, следовательно, свое оправдание перед разумом» [5, с. 50]. Булгакову очевидно, что религия должна быть главным фактором, определяющим историю. Хотя в наш атеистический век это может вызвать большие недоразумения, полагает он, религиозное чувство всегда живет в человеке. Нерелигиозных людей нет, катего-

рически утверждает он, а есть лишь люди благочестивые и нечестивые, праведные и грешные. Религия есть выход за пределы своего Я, выход в бесконечное, способ знания без доказательств.

Религии принадлежит приоритет в решении всех сложных вопросов и в первую очередь – о смысле жизни, потому что именно религия, как убежден Булгаков, завершает относительное в абсолютном, обусловленное в безусловном, соединяет истории в одно целое. Нет более безотрадного воззрения, согласно которому мир и наша жизнь являются следствием случайности. Поэтому все значимые философские системы стремятся замкнуть механическую причинность в целесообразности. «Все великие системы XIX века, вышедшие от Канта, сходятся в признании телеологии наряду с причинностью. Фихте рассматривает человеческую жизнь как царство нравственных целей, образующих в совокупности нравственный миропорядок, Шеллинг считает его, сверх того, произведением искусства, Гегель видит в нем развитие разума» [5, с. 53]. Но самое главное – история берется как завершенное целое и только тогда она имеет смысл.

С.Н. Булгаков отмечает также, что механистические взгляды не выдерживают до конца своей убежденности: Гольбах, например, будучи просветителем, обращается к разуму, а с ним в историю входит свободное творчество, свободная воля и целесообразность. «Если условиться, вслед за Лейбницем, называть раскрытие целей высшего разума, высшей целесообразности в мире теодицеей, то можно сказать, что теория прогресса является для механического миропонимания теодицеей, без которой не может, очевидно, человек обойтись» [5, с. 54]. Наряду с понятием эволюции, таким образом, неизбежно возникает понятие прогресса, эволюции телеологической. В этом больше всего убеждает выяснение смысла понятия прогресса.

Ответ на вопрос, в чем состоит прогресс, в большинстве случаев сводится к утверждению большего счастья большего числа людей. Но что такое счастье? Ведь у каждого человека свое представление о нем, и эти представления нередко оказываются противоположными: у одних это мечты о наибольшем количестве материальных благ, у других – желание наибольшего количества духовных удовольствий. Одни считают прогресс отсутствием нравственных

мучений, другие полагают, что нравственное страдание входит в число необходимых для счастья добродетелей. Отказался бы, например, Иван Карамазов от своих нравственных решений и связанных с ними мучений? Скорее всего, нет. Булгаков поэтому пишет: «Для человека же нравственная жизнь без борьбы и страданий невозможна» [5, с. 67]. А если нравственная жизнь составляет истинное призвание человека на земле, некоторые формы страдания всегда останутся неустраимыми. Но является ли именно нравственное удовлетворение целью жизни? Кант, например, видел ее такую; правда, Шеллинг склонялся к искусству, а Шопенгауэр видел в страдании единственную человеческую добродетель. Маркс же о страданиях упоминал только в социологическом плане (в связи с нетворческим трудом). Как думает Булгаков? Не всякое страдание заслуживает нашего сочувствия, говорит он, мы не захотим облегчать страдания ростовщика, потерявшего свои проценты, и сочли бы безумием желание облегчить страдания Фауста так, как Мефистофель. Само страдание, таким образом, требует осмысления с точки зрения высших нравственных начал.

Рост и удовлетворение материальных потребностей, с точки зрения С.Н. Булгакова, в той мере являются оправданными, в какой они освобождают нравственные стремления человека. Таким образом, Булгаков признается, что для него именно нравственность – смысл жизни. Но что и почему можно счесть нравственными целями? Булгаков мог бы не доказывать и не объяснять этого, поскольку это ясно каждому верующему человеку, но все же он доказывает. Во-первых, он не признает восходящую прогрессивность счастья. Нельзя признавать, что будущие люди справедливо получают больше счастья, чем предыдущие, и за счет последних. Молчаливо наш автор признает такое «восхождение», правильное с позиций Гегеля и Маркса, несправедливым. «Ну и что?» – спросит читатель. – «Ведь Бог не есть справедливость, Бог есть любовь, потому он впускает в вечное царство даже преступников». Булгаков с этим не согласен, хотя и не признается в этом.

Что значит найти смысл истории? Это значит прежде всего признать, что история есть раскрытие и выполнение единого разумного плана; все, что совершается в истории, необходимо для выполнения этого плана, намеченного Творцом. Однако, если мы признаем, что

в мире господствует разум и что в конечном счете причинная обусловленность наших поступков соединится с разумными целями, наши поступки для нас не будут до конца разумными и направляющими нас к истинной цели. Здесь добро действует с той же хитростью, что и гегелевская идея.

Из чего же следует, что в жизни человека властвует нравственная идея? Что надо делать добро другим? Вести себя достойно? Ведь если мы не знаем конечной цели истории, то зачем осуществлять эти требования? Приходится признать, что мы должны в любой момент времени знать о высшей цели истории, т.е. всегда верить в Бога и его любовь к человеку. Доказательством существования высшей силы, согласно Булгакову, служат свидетельства совести. Этот, как сказал бы Руссо, божественный голос в каждый момент жизни говорит о том, как нам следует поступить. Нравственный закон велит нам хотеть добра всегда и везде ради самого добра; абсолютный закон добра должен быть законом нашей жизни. Боль совести свидетельствует о тех случаях, когда он нарушается. В системе Фихте, вспоминает С.Н. Булгаков, все, даже и существование Бога оправдывается нравственным законом: ты можешь, ибо ты должен.

На основании этого Булгаков делает вывод о том, что основные вопросы теории прогресса являются проблемами христианского теизма, и главное определение здесь даже не понятие Бога, а понятие совести, только она убеждает в верховенстве нравственных свершений и нравственном содержании прогресса. Таково то новое, что вносит в его понятие Булгаков.

Но хотя требования нравственного закона абсолютны, они всегда осуществляются в конкретно-исторических условиях и задачах. Поэтому подлежат нравственной оценке и освобождение крестьян, и реформа городов, и университетский устав – все есть или добро, или зло. А как их оценить? Исходя из удовлетворения нравственных потребностей большинства? Удовлетворения соответствующих человеческому достоинству потребностей? А что такое человеческое достоинство? Или и здесь свидетельства совести – главное? Мы видим, что ясности в определении нравственности, как и в определении счастья, немного. Для Булгакова критерием добра является вера. Все нравственные цели оправдываются верой. Как многие другие религиозные убеждения, приве-

денные взгляды не вполне понятны. Вопросы о прогрессе продолжают требовать разъяснения.

Судьбы России и житие православного человека

Проблемы исторического развития и будущего человечества волнуют С.Н. Булгакова прежде всего в связи с будущим России и ее миссией. Хотя София и определяет судьбу любой нации, в то же время каждой из них определено конкретное место. Космополитизм, пишет Булгаков, такая же ложь, как звериный интернационализм. Идея чистой нации – утопия, но это не лишает «национальные амальгамы» собственного конкретного осуществления. Человечество вырастает во всечеловеческую христианскую соборность не только в отдельных индивидах, но и в нациях. У каждой страны своя судьба, свое предназначение, и сейчас, в начале XX в., по убеждению нашего мыслителя, судьба Европы определена движением России. Но что представляет собой Россия сегодня?

Говоря об истории России в данный момент времени как о трагедии, Булгаков подчеркивает, что смысл истории определяется не людьми с их жизненными драмами, а «сверхчеловеческим», «ноуменально-человеческим законом», неким божественным фатумом, осуществляющим свои приговоры с неумолимой силой. Он и есть подлинный герой трагедии. В полной мере показал это, как считает философ, Ф.М. Достоевский. В «Бесах» писатель раскрывает борьбу веры с неверием, добра со злом до и после революции. Борьба заканчивается победой добра, потому что русский народ – особый народ, чувствующий свои грехи и стремящийся их искупить. Булгаков опирается здесь на слова Достоевского: пусть в нашем народе зверство и грех, но что в нем неоспоримо, так это то, что он никогда не примет греха за правду. Он согрешит, но всегда скажет рано или поздно: я сделал неправду. Вот что отвечал Достоевский и что он ответил бы теперь, заключает наш автор и добавляет: после горя и позора последних лет ослабела ли духовная связь, внутренняя солидарность наша с народом, стали ли мы ему более чужды, меньше ли мы любим и верим в этот народ, темный, растлеваемый, столь легко становящийся орудием темных сил? Нет, но мучительней. Есть кровная привязанность, при которой причиняемые муки только сильнее приковывают, только окончательно поко-

ряют, научают любить и прощать, любить не за что-нибудь, но как будто – хотя это на самом деле и неверно – вопреки всему. Тяжелые и печальные времена – это период революции 1905 г., но и после Октябрьской революции Булгаков остался верен своей любви и преданности народу.

Из-за начавшейся мировой войны, неудач русских на фронте, отречения императора Россия выглядит как «лежащая во мгле». Сможет ли она выбраться из нее? Булгаков ужасается хаосу, царящему в это время в стране. Хаосу в жизни соответствовал и хаос во взглядах. Чего только не было в начале войны! И убеждение в гибели страны, и надежда на выживание, и вера в православие, и неуверенность в своих силах. Разные социальные группы формировали разные убеждения, и в этом переплетении взглядов, надежд, разочарований надо было нащупать нечто прочное, фундаментальное, дающее опору и надежду.

Он посвящает несколько диалогов, в том числе «На пиру богов», спорам, в которых открывается неприязнь, согласие, отторжение разных воззрений. Он противопоставляет убеждения представителей разных общественных слоев, пытается найти у каждого что-то верное, отрицает неприемлемое.

Если оценить убеждения военных в это время, то *генерал*, например, уверен, что революция 1917 г. сгубила Россию. Погибло самодержавие, значит, погибла государственность. Революционные партии не знают, чего хотят; кадеты мечутся от республики к монархии. Нет никакой надежной военной силы. «С кем я пойду на Царьград?» – вопрошает генерал. – «Миллюковы и Керенские ненадежны, уж лучше турецкий султан». Армия погибла, потому что она держалась дисциплиной и верой, вера же исчезла. Царь, вера, отечество – все это ушло. Большевики заменили веру лжетеократией. Даже писатели стали нигилистами, например, Толстой, и погубили Россию.

Писатель же считает, что надежда на возрождение есть: сейчас идет борьба за душу народа, за то, чтобы он не стал зверем. Верую, восклицает он, через русский народ придет спасение миру, он скажет решающее слово о судьбах мира. Чем ночь темней, тем звезды ярче! Всегда в России на ужасы падал знак Провидения: на ужасы татарского ига Россия ответила явлением Преподобного Сергия, а на смутное время – петровской Россией; из брать-

ев Карамазовых может выйти старец Зосима, социалистические учения разобьются вдребезги, их заменит православный свет. Русской интеллигенции присущ нигилизм, она впадает в отрицание народничества, но ей присущи и жертвенность, и любовь к народу. В этом ее спасение и спасение России. К словам писателя примыкают слова *богослова*. Тот уверен, что хотя интеллигенция ушла из церкви, она в нее вернется, она возродится и возродит народ. Хотя идеалы революционного гуманизма низвергнуты, гуманизм христианский восстановится. Интеллигенция не вся пропала, среди интеллигентов есть Достоевский, Соловьев, Леонтьев. Борьба нужна не с интеллигенцией, а с интеллигентщиной. *Богослов* уверяет, что возвращение интеллигенции и всего народа в церковь – это первоочередная, даже не политическая, а культурная задача. И отвечает колеблющимся, что церковная соборность исключает всякие извращения. Булгаков с ним совершенно согласен, он признается в чувстве счастья, охватывающем его при осознании церковного братства.

Во всех работах С.Н. Булгакова видна боль за Россию и в то же время уверенность в ее возрождении. Европа, бывшая гегемоном духовной жизни мира, уступила свое место России, потому что именно православие борется за душу, именно оно своими христианской любовью и всепрощением открывает путь к новой жизни. Несмотря на достижения в области науки и техники, а, может быть, именно поэтому, Европа прониклась духом мещанства; собственность стала ее кумиром, богатые должны сохранять свою собственность, а бедные – стремиться к ней. В этих условиях падает значение науки и искусства. Как пишет И. Роднянская, «тема, которой Булгаков отдавался в первые революционные годы, это тема религиозно-национального и государственно-исторического призвания России, тема мессианская и определенно неославянофильская...» [9, с. 10]. Россия, в его понимании, начинает оптимистически противостоять Европе.

В интереснейшей статье об Иване Карамазове С.Н. Булгаков признает противостояние Европы и России XIX–XX вв. и делает оптимистический прогноз в пользу России. Он, как кажется, совершенно верно отмечает, что европейская жизнь XVII–XIX вв. была определена задачами познания: казалось, что цель жизни – познать природу, историю. Нравствен-

ные ценности отошли на задний план; недаром Фауст совершенно не потревожился судьбой Маргариты. Именно Фауст – символ прошлой Европы, Фауст выражает европейские сомнения XIX в. Он хочет все познать, но в конце концов отдает познание на службу действию. Призыв действовать побеждает знание; надо действовать для счастья народа, хотя действие, оборачивающееся рытьем могилы, ставит под вопрос его смысл и значение.

Не то Иван Карамазов, ставший символом России и всего XIX в. Он весь в нравственных проблемах, он смутно чувствует, двигаясь к истине, что ответы на страшные вопросы – в любви и вере. Он видит проблемы социализма, но решает их не в социалистическом ключе. От желаний социального равенства он переходит к требованиям равенства человеческого, которое осуществимо только в христианстве. «Достоевский смотрел на мировоззрение социализма как на что-то вроде нравственной болезни, но болезни роста, как на переходное мировоззрение, предшествующее высшему синтезу, который ... должен состоять в слиянии экономических требований социализма с началами идеализма и оправданиями первых последними» [3, с. 41–42]. Социализм – это болезнь религиозного неверия.

С.Н. Булгаков в своем анализе с большой тонкостью разграничивает европейский и русский интеллектуализм: если Фауст немец, то Иван – вполне русский человек с головы до ног с его пристрастием к мировым вопросам, с его склонностью к затяжным разговорам, с постоянным самоанализом его больной совести. «Болезнь совести, эта удивительная болезнь, определяющая весь ход нашей культуры и всего нашего философского развития» [3, с. 43]. Именно совесть – типично русский продукт интеллигентности. И именно она – залог нравственного русского будущего.

Любопытно, что будущее России Булгаков связывает не с народом, а с интеллигенцией. Казалось бы, именно русский народ укажет народам Европы путь в счастливое будущее. Но народ – ничто без интеллигенции, она дает ему лозунги, определяет его задачи, формирует как единое сообщество. Эти идеи он выдвигает в статьях об интеллигенции, опубликованных в сборниках «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909).

В статье «Героизм и подвижничество» Булгаков раскрывает смысл действий интеллиген-

ции и ее цели. Надо сказать, что интеллигенция как особая социальная группа принадлежит, наверное, только России; она появилась здесь после петровских преобразований и Европе не свойственна, там существуют лишь интеллектуалы (во всяком случае, так было раньше). Интеллигенция – типично русское явление в силу своего отношения к народу, в силу такого свойственного ей признака, как совесть. Кажется, что эта нравственная функция позволяет ей вести за собой русский народ, чувствовать ответственность за него. Это так, убежден Булгаков, но ей – вместе с народом – придется пройти длинный путь обновления.

Дело в том, что интеллигенция, хотя она в некоторой степени производна от западной культуры, по сути, противостоит ей. Она противостоит мещанству, филистерству, желанию примириться с властными силами. Она противостоит последним, выступает против соглашательства. Она готова принять удары судьбы. Интеллигенция заимствовала от Европы вольтерьянство и просвещенность. Интеллигенция как бы воплотила в себе силы просвещения, ратовала за развитие положительной науки, принимала представления о человеке как естественном существе, которому только внешние рамки препятствуют устроить справедливую жизнь. Но, заимствовав просвещенность от Европы, она не заметила ее религиозного опыта, в частности, Реформации. Этим была определена ее нерелигиозность, а тем самым, как считает Булгаков, отход от истинного пути развития. «Я не могу не видеть самой основной особенности интеллигенции в ее отношении к религии, – пишет Булгаков, – ...нет интеллигенции, более атеистической, чем русская. Атеизм есть общая вера, в которую крещаются вступающие в лоно церкви интеллигентски-гуманистической, и не только из образованного класса, но и из народа...» [2, с. 34].

Из ее особого положения в стране вытекают такие свойства, как, с одной стороны, героизм, а с другой – духовный аристократизм. Она чувствует свою избранность, она готова на жертвы ради народа. Интеллигенты сознавали себя единственными носителями европейской образованности в стране, где все, казалось, было охвачено непроглядной тьмой. «Героизм – вот то слово, которое выражает, по моему мнению, основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала, притом героизм самообожения» [2, с. 34]. Героический интеллигент не

довольствуется ролью скромного работника, его мечта – быть спасителем рода человеческого или, по крайней мере, русского народа. Ради ее осуществления приносятся жертвы, вплоть до жизни – и своей, и чужой, что точно выразил Достоевский в «Бесах».

Но из самого существа героизма вытекает, как верно полагает С.Н. Булгаков, и духовный аристократизм: ведь поскольку народ воспитывается, постольку он пассивный объект, спасаемый народ. Максимализм, свойственный героизму, заставляет и к народу относиться с некоторым превосходством, если не с презрением. Стать героем и вместе спасителем человечества – цель интеллигента. Максимализм в героизме приводит к отказу от нравственности: ради достижения цели «все дозволено».

Надо сказать, что и для Булгакова, и для других знаменитых философов, да и для знаменитых русских писателей XX в. нравственность неразрывно связывалась с религией. У Достоевского и в «Преступлении и наказании», и в «Братьях Карамазовых» принцип «все дозволено» идет в связке с рефреном «ежели Бога нет». Никто и не вспоминает о том, что еще в 1697 г. в своем «Историческом и критическом словаре» П. Бейль отстаивал идею нравственности атеистов. Никто и не вспоминает о том, что и у Канта нравственные принципы обосновываются вовсе не на религиозной основе. Да, конечно, Кант верующий человек, и Бог объявляется главой морального царства. Но не его источником. Нравственный закон написан в сердце человека неизвестно кем – и не из религиозных побуждений, а скорее из чувства человеческого достоинства, из святости человеческого рода.

Но для Булгакова нравственность коренится в религии, и именно нерелигиозность интеллигенции ведет к безнравственности ее героев, к неспособности каждого из ее членов стать личностью, стремящейся к самоусовершенствованию. Каждый интеллигент осуществляет собственную идею, ради нее освобождает себя от обычной морали и разрешает себе иметь право не только на свою жизнь, но и на жизнь других; в каждом максималисте-герое сидит маленький Наполеон. Ответственность заменяется своеволием; героическое «все позволено» незаметно переходит в беспринципность.

Как же интеллигенция хочет помочь народу? Образованием, внедряя в его умы новые научные сведения, изобретения? Нет, это не тот

путь, который нужен народу, да и «внедрение» ущербно; нельзя образовать весь народ быстро.

Согласно мнению Булгакова, интеллигенты усиливают в русском народе раздвоенность, склоняют его в худшую сторону. Разрушение в народе религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные силы, которых много в русской истории. В русском народе всегда боролись заветы преподобного Сергия и Запорожской Сечи, Пугачева и старца Зосимы. Надо обратиться к истинно духовным народным ценностям; это ценности религиозные. «Народное мировоззрение и духовный уклад определяется христианской верой. Как бы ни было далеко здесь расстояние между идеалом и действительностью, как бы ни был темен, непросвещен народ наш, но идеал его – Христос и его учение, а норма – христианское подвижничество» [2, с. 68]. На наш взгляд, христианская вера в русском народе Булгаковым сильно преувеличена. Не такой уж он верующий. Недаром есть поговорка: «Гром не грянет – мужик не перекрестится». Но в силу своей уверенности С.Н. Булгаков и предлагает интеллигенции вернуться в церковь. Вместо героизма, как он думает, требуется подвижничество.

Смирение, покаяние, самоанализ, ощущение своего греха противостоят гордыне, героизму, максимализму; это требования к самому себе. Смирение – это важнейшее христианское достоинство, но оно чуждо интеллигентам.

Нужно покаяться, чтобы возродиться к новой жизни. Христианский подвижник, не ставя себе задач провидения и не связывая со своей судьбой судьбу человечества, задачу своей жизни видит в исполнении долга перед Богом. Русской интеллигенции предстоит трудный и долгий путь. Вместе с тем это путь всего русского народа, начиная с его лучших представителей. В одной из своих статей, посвященных Герцену, С.Н. Булгаков четкими характеристиками обрисовывает этот путь.

Желание Герцена обратиться к Западу, ориентироваться на него в своей жизни и борьбе было оправдано безобразием русских форм политики, унижающих человеческое достоинство; материальная нищета и убожество представляли собой низкую антитезу благополучному достатку Запада. Высоки для нас были образцы западной цивилизации: машинное производство, устройство железных дорог, водопровода и т.п. Не забывает С.Н. Булгаков и о достижениях науки и искусства.

Но, оговаривается Булгаков, эти цветы – еще не все древо западной культуры. Она перестает быть для нас идеалом и становится историческим фактом, имеющим и свои теневые стороны. Главная из них, как говорилось, трясина мещанства, вызванная как раз материальными успехами. В Европе в большинстве стран весьма средний уровень образования, на упадок искусства, на невозможность формирования личности указывают многие авторы. И, надеясь в первые годы эмиграции на Запад, Герцен впоследствии видит его неспособность осуществить подлинную историю.

Отношение России к Западу (куда входит и Америка), согласно убеждению философа, складывается на трех основаниях. Первое, наиболее остро высказанное П.Я. Чаадаевым, связано с отрицанием у русского народа всякой самобытности. Само его существование – это какая-то печальная ошибка природы; нет никакой почвы в его истории. Такие убеждения сохраняются у некоторых западников.

Сторонники второго направления убеждены в том, что Россия должна догонять Запад, путь развития которого – магистральный. Россия должна повторить его с некоторыми несущественными отклонениями. Но при таком понимании, отмечает автор, с повестки дня сбрасывается национальная культура с ее индивидуальными особенностями.

Наконец, представители третьего пути настаивают на неповторимости русской культуры и ее возможности выстроить собственный путь исторического развития. Духовное своеобразие каждого народа требует своего выражения, хотя и неотделимого от общего развития. У славянофилов было много верного по этому вопросу, но неверным было стремление вовсе изолировать Россию от западного мира.

Каждый народ, продолжает С. Булгаков, имеет свою судьбу и свою историческую миссию. Может быть, именно в силу своей исторической неустроенности Россия не приемлет сытого благополучия; она не принимает мещанства, вытекающего, как ни странно, из благополучия, и борется с ним. Правда, одних влечет к активной деятельности, вторые же хотят эту активность затушить, сделать существование плотским, скудным и низменным. Это и есть подлинное мещанство.

Но в русском народе сильно именно первое стремление. Если он и стремится к демократии, то совсем не к такой, где мещане приговорили

к смерти Сократа. Русский народ силен своей нравственностью, а она неотделима от религиозности. Идея народности, таким образом понимаемая, является религиозной идеей, она связана с общей идеей существования нравственного миропорядка. Это кредо Булгакова. Надо соединить экономические мероприятия с религиозными усилиями, и Россия укажет верный путь Западу.

Поэтому единственно истинный путь России – обращение к религии, к церкви. Оно – противовес духовному мещанству, основа личного самоусовершенствования, поиска и обретения истины. Это значение религии, как думает С.Н. Булгаков, доказано Ф.М. Достоевским и Вл.С. Соловьевым.

Таким образом, мы видим большое сходство в понимании истинно русского пути развития нашим героем и другими крупными русскими мыслителями. Вовсе не отказывая им в отыскании истины, мы хотели все же напомнить и о возможности другого нерелигиозного пути, определенного чувствами человеческого достоинства и убеждениями оптимизма.

Один из современных авторов В.Н. Порус высказал оценку творчества С.Н. Булгакова, хотя и достаточно резкую, но в то же время настолько объективную, чтобы к ней могли присоединиться и некоторые другие исследователи творчества русского философа. Он пишет: «Его стремление доказать, что европейская цивилизация не нуждается в новых “символах веры” и что нужно просто вернуться к традиционному христианству, лишь слегка подправленному в соответствии с духом гуманизма, было обречено на очевидную неудачу, оно слишком расходилось с глубинной и неотвратимой логикой исторического развития Европы в XX веке. ... Булгаков в своих ярких публицистических статьях предлагал только одно: возврат назад, к уже пройденным и дискредитированным историей путям, к утратившим свою жизненную силу формам веры» [8, с. 11]. И далее: «Подправить “традиционное христианство” в духе гуманизма Булгакову не удалось, поскольку идея абсолютной значимости человеческой личности была принята им за идею “человечества без Бога или помимо Бога”; отсюда его возвращение к “средневековому мирозерцанию” с его представлением о безраздельном господстве Бога над человеком и творческом бессилии человека. В этом он уступает выдающимся западным филосо-

фам (Ницше, Бергсону)» [8, с. 12]. Он не желал признать возможность свободной и современной интерпретации догматов и откровения и в итоге отказался от философии, стремясь к уже отжившей свой век форме веры» [8, с. 12]. Столь длинная цитата была приведена потому, что в ней схвачены, как нам кажется, глубинные просчеты концепции С.Н. Булгакова. Вряд ли, правда, можно согласиться с тем, что Булгаков недооценил роль человеческого творчества, как пишет В.Н. Порус. Очень даже оценил, вплоть до признания преобразования человеком самого себя, но во многом другом Порус прав.

Однако нельзя не признать и некоторых важных достижений программы С.Н. Булгакова. Так, С.В. Колычев справедливо отмечает, что он предвосхитил Шпенглера в осознании заката Европы, а И.И. Евлампиев пишет о том, что он заметил противоположность мещанской цивилизации и творческой культуры (основывая при этом последнюю на религиозной основе) (см.: [7, с. 10]).

Во многом присоединяясь к критике религиозного идеализма Булгакова, С.С. Хоружий останавливается на его бесспорных успехах: «Но в то же время – отчасти благодаря своим слабостям – оно (учение его. – *прим. авт.*) сумело выразить дух и проблемы своего времени гораздо полнее и ярче, чем любое из перечисленных учений. На разных его этапах мы находим все главные темы, волновавшие в то время русскую общественную и философскую мысль: о путях экономического развития России, о сущности и задачах интеллигенции, о поисках общественного и религиозного идеала, об освобождении русской философии от западного диктата... Творчество Булгакова – чистопробнейший образец мысли русского Ренессанса. В нем предстает как в зеркале неповторимый облик этого единственного в своем роде периода – с его духовными поисками и метаморфозами, его смятениями и обращениями, его ученичеством и эклектизмом в делах строгой философии и его культом Достоевского и Вл. Соловьева... Его главные темы глубоко национальны» [11, с. 852]. Эта оценка вполне соответствует одному из главных принципов историко-философского исследования: ценить мыслителя за то, что он дал миру, а не за то, чего он не дал. Сергей Николаевич Булгаков дал многое именно в понимании культурного развития мира и России, и за это мы должны быть ему благодарны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Типы религиозных мыслителей в России // С.Н. Булгаков: Pro et contra: Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2003. С. 748–781.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990. С. 27–73.
3. Булгаков С.Н. Иван Карамазов (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 15–45.
4. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 240–272.
5. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 46–94.
6. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. М.: Наука, 1993. С. 47–297.
7. Евлампиев И.И. Религиозный идеализм С.Н. Булгакова: «за» и «против» // С.Н. Булгаков: Pro et contra: Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2003. С. 5–62.
8. Порус В.Н. Неизбывная актуальность предостережений С.Н. Булгакова // Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль / под ред. В.Н. Поруса. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. С. 9–30.
9. Роднянская И.Б. С.Н. Булгаков – публицист и общественный деятель // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 3–14.
10. Хоружий С.С. Вехи философского творчества отца Сергия Булгакова // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. М.: Наука, 1993. С. 3–14.
11. Хоружий С.С. София – Космос – Материя: устои философской мысли отца Сергия Булгакова // С.Н. Булгаков: Pro et contra: Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2003. С. 818–853.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A., 2003. Tipy religioznykh myslitelei v Rossii [Types of religious thinkers in Russia]. In: S.N. Bulgakov: Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Bulgakova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya: v 2-kh t. T. 1. Sankt-Peterburg, 2003, pp. 748–781. (in Russ.)
2. Bulgakov, S.N., 1990. Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and selfless devotion]. In: Vekhi: sbornik statei o russkoi intelligentsii. Moskva: Novosti, 1990, pp. 27–73. (in Russ.)
3. Bulgakov, S.N., 1993. Ivan Karamazov (v romane Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy») kak filosofskii tip [Ivan Karamazov (in Dostoyevsky's novel «The Brothers Karamazov») as a philosophical type]. In: Bulgakov, S.N., 1993. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Moskva: Nauka, pp. 15–45. (in Russ.)
4. Bulgakov, S.N., 1993. Karl Marks kak religiozni tip [Karl Marx as a religious type]. In: Bulgakov, S.N., 1993. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Moskva: Nauka, pp. 240–272. (in Russ.)
5. Bulgakov, S.N., 1993. Osnovnye problemy teorii progressa [The main problems of the theory of progress]. In: Bulgakov, S.N., 1993. Sochineniy: v 2-kh t. T. 2. Moskva: Nauka, pp. 46–94. (in Russ.)
6. Bulgakov, S.N., 1993. Filosofiya khozyaistva [Philosophy of economy]. In: Bulgakov, S.N., 1993. Sochineniya: v 2-kh t. T. 1. Moskva: Nauka, pp. 47–297. (in Russ.)
7. Evlampiev, I.I., 2003. Religiozni idealizm S.N. Bulgakova: «za» i «protiv» [Religious idealism of S.N. Bulgakov: pro et contra]. In: S.N. Bulgakov: Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Bulgakova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya: v 2-kh t. T. 1. Sankt-Peterburg, 2003, pp. 5–62. (in Russ.)
8. Porus, V.N., 2006. Neizbyvnaya aktual'nost' predosterezhennii S.N. Bulgakova [The enduring relevance of Sergey Bulgakov's warnings]. In: Porus, V.N. ed., 2006. Russkoe bogoslovie v evropeiskom kontekste. S.N. Bulgakov i zapadnaya religiozno-filosofskaya mysl'. Moskva: Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andrey, pp. 9–30. (in Russ.)
9. Rodnyanskaya, I.B., 1993. S.N. Bulgakov – publitsist i obshchestvennyi deyatel' [S.N. Bulgakov as a publicist and public figure]. In: Bulgakov, S.N., 1993. Sochineniya: v 2-kh t. T. 2. Moskva: Nauka, pp. 3–14. (in Russ.)
10. Khoruzhii, S.S., 1993. Vekhi filosofskogo tvorchestva ottsa Sergiya Bulgakova [Milestones

of the philosophical thought of Father Sergius Bulgakov]. In: Bulgakov, S.N., 1993. Sochineniya: v 2-kh t. T. 1. Moskva: Nauka, pp. 3–14. (in Russ.)

11. Khoruzhii, S.S., 2003. Sofiya – Kosmos – Materiya: ustoi filosofskoi mysli ottsa Sergiya Bulgakova [Sofia – Cosmos – Matter: the

foundations of the philosophical thought of Father Sergius Bulgakov]. In: S.N. Bulgakov: Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Bulgakova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: Antologiya: v 2-kh t. T. 1. Sankt-Peterburg, 2003, pp. 818–853. (in Russ.)